

Консерватор - 2002-15-21 нояб. - с. 13.

Об укреплении ниш

ПИАНИСТ МАРК-АНДРЕ АМЛЕН ПОПЛЫЛ
ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ, НО НЕ ВЫПЛЫЛ

Фото Сергея ЗОНИЧЕВА («Консерватор»)

Беда мировой концертной практики, а нашей отечественной в особенности, — хрестоматийная скудость репертуара. Лучше всего продаются известные имена и названия, но всему есть пределы, и бесконечно играть Второй концерт Рахманинова просто невозможно.

Рыночные стратегии последних десятилетий складываются из двух противоположных векторов. Фирмы-гиганты, записывающие топ-звезд, позволяют им, наряду с мейнстримом, осторожно расширять репертуар. Свидетельства тому — недавние гастроли в Москве мировых знаменитостей. Скрипач Вадим Репин и пианист Борис Березовский не просто сыграли образцовый ансамблевый концерт, но и посвятили целое отделение совсем не затасканному опусу — Скрипичной сонате Рихарда Штрауса. Крепкий лондонский оркестр «Филармония» под управлением Владимира Ашкенази отдал свое мастерство не самому ходовому композитору Сибелиусу, исполнив его Вторую симфонию (и все равно оказался не оригинален — той же симфонией двумя днями раньше дирижировал Михаил Плетнев).

Второй путь — создание маргинальных ниш и умелое перемещение их содержимого в мейнстрим. Этим искусством блестяще овладела элитарная фирма Nuregon Records, одним из самых успешных ставленников которой является канадский пианист Марк-Андре Амлен. На этой неделе он дал сольный концерт в Большом театре. Нельзя сказать, что о музыке Шарля-Валентена Алькана, забытого романтика-виртуоза XIX века, до канадца никто не вспоминал: можно назвать с десяток пианистов, среди которых знаменитый Джон Огдон. Но именно в записях Марка-Андре Амлена на Nuregon'e Алькан стал сенсацией звукозаписи, отмеченной многими призами критики и регулярными номинациями на премию Grammy.

Европейская музыка XIX века сводится для нас к 10–15 фигурам, фортепианная — к 5–6, и Алькан в них не входит. Почему Алькан был забыт? Биография его, скорее, располагала к обратному: сначала вундеркинд, потом молодой виртуоз, покоритель парижских салонов, друг Шопена и Жорж Санд, друг и соперник Листа, в пору расцвета он решительно покинул сцену и провел годы взаперти, изучая Библию и Талмуд, а в старости погиб под тяжестью рухнувшего книжного шкафа. В поздние годы Алькан изредка давал концерты, но, в отличие от Листа, играл кого угодно, только не себя — возможно, дело в этом? Есть и другая причина: Алькан не был передовым

дитятей своего революционного времени — это если как нынешний авангардист не был бы левым. Шуман воевал с филистерами (а заодно с пустоপরজনными французами, среди которых числил и Алькана), Вагнер выскакивал на баррикады, Лист остепенился лишь на склоне лет, став философом и визионером. Берлиоз, наиболее близкий Алькану своей исповедальной мистикой, трубил для толп. Алькан же высовывался в самые неподходящие моменты: в 1848 году, когда все либо митинговали, либо бежали от революции, он опубликовал Большую сонату, посвященную этапам человеческой жизни; ее вторая часть рисовала некоего Фауста, изгоняющего из себя дьявола посредством мудреной для исполнения восьмиголосой фуги.

Легко ли сегодня оценить Алькана по достоинству? Наш слух живет по конституции, совместно принятой Шопеном, Шуманом и Листом, и теперь нам нелегко определить, что есть подлинный стиль Алькана — набор романтических клише того времени или оригинальная система мышления? Во многом, второе: кто еще из его современников мог додуматься до Двенадцати этюдов во всех минорных тональностях, длящихся в общей сложности два часа и включающих в себя два внутренних цикла — Симфонию и Концерт для фортепиано соло? Но и первое тоже: пережив бескомпромиссный модернизм, Европа снова полюбила ценности своей буржуазной истории — механические изобретения вроде поезда (Алькан был первым, кто написал пьесу «Железная дорога») или большого романтического рояля, порой вторичного средства, заменявшего собой и оперу и оркестр — со всеми многочисленными транскрипциями. Пожалуй, канадец Марк-Андре Амлен сделал то, к чему еще не подступался его великий соотечественник Глен Гульд (такой же затворник, как и Алькан) — подставил под сомнение пурризм высоких мастеров фортепианного искусства XX века, покорила публику самоценной виртуозностью и свежим обаянием, забытым вместе с веком копий и гравюр. Он и выиграл, и проиграл — последнему свидетелем был московский концерт. Проиграл репутации собственных записей (на дисках все лучше, отточенной, завершенной), проиграл плохому роялю, стоящему в Бетховенском зале Большого театра, проиграл чистоте собственной линии, исполнив вместе с Альканом, Бузони и Метнером врага Шумана. И проиграл Шумана чистым гениям пианизма, кого не так-то легко сдвинуть с пьедестала освоением даже самых экстравагантных музыкальных ниш.